

Медвидь Михаил. Перевод. <http://astropoisk-nn.tk>

Джузеппе Бецца

Что такое классическая астрология.

Schema 1, июнь 1986 г.

Что означает выражение «классическая астрология»? Подходит ли такое название какому-либо периоду астрологии? В этом случае очень сложно дать утвердительный ответ. Наоборот, возникают другие вопросы. Где и когда родилась астрология? Существовала ли доклассическая астрология? Был ли у нее золотой период и упадок, и считалась ли астрология в прошлом наукой? Может ли наше сознание принять создание, упадок и смерть науки? Как мы могли бы назвать «наукой» семиотику явлений, которая кажется созданием *animosum pectus* (лат., энергичной груди), а не *mens et ratio* (лат., мышления и рассудка). Справедливость давно восторжествовала, цитируя Теренция: *mala mens, malus animus* (лат., дурной ум, дурная душа). Но если мы хотим продолжить и обратить наше внимание на тексты древних астрологов, мы будем удивлены такому изобилию и чрезвычайному разнообразию техник. Эти техники, до сих пор имеющиеся в нескольких греческих, латинских и арабских текстах, происходят, предположительно, из египетского и месопотамского свода доктрин, но древние придерживались различных мнений.

Где родилась эта звездная наука — наука, которая хотела связать созерцание высшей красоты неба с суровыми законами физики, основанными на видимых явлениях, почти отрицая драматическую дихотомию Шелли между поэзией и наукой? Хотя мы можем часами обсуждать упадок астрологии, поскольку он очевиден, мы не можем говорить о его истоках, потому что мы их не знаем. Мы озадачены, когда слышим простодушные утверждения древних об изобретателях астрологии. Когда св. Августин говорит *Atlas magnus astrologus* (лат., Атлас — великий астролог), это восходит к эвгемеристической доктрине, превращающей героев в мудрецов (De Civitate Dei XVIII, 39; ср. Plinius Nat.Hist. II, 31; VII, 203; Vitruvius VI, 10, 6; Диодор С. III, 60, 2; IV, 27, 17). И не только Атлас: Уран, Бело, Тот, Прометей, Атрей, Кентавр Хирон также открыли человеку астрологию (ср. Jo. Chr. Heilbronner, *Historia Matheseos universae a mundo condito ad saeculum post Chr. n. XVI*, Lipsiae 1742, стр. 54 и след.). Св. Августин сообщает нам, что Атлас жил в то же время, что и Моисей, который был, согласно Филону, математиком, астрономом, геометром, музыкантом и превосходным философом и научился науке о небе у ассирийцев (*vita Mosis I*, 23). До Моисея Авраам преподавал математику и астрономию египтянам, которые ничего об этом не знали (Berossos ap. Josephus, *ant. jud.* I, 8, 2; ср. Eusebius, *graer. ev.* IX, 16). Эти люди получили науку о небе через откровение.

Более того, существует предание, согласно которому и астрологию, и астрономию преподавали мятежные ангелы (ср. Книгу Еноха VIII, 4), но греки считали, что эти две науки были открыты богами «царям, любимым богами» (см. Lucianus de astr. 1; ср. Achilles Tatius isag. 1), а именно как божественный дар, *munere caelestum*, как говорит Манилий (I, 26). Откровение законов природы, производящих времена года и смену растительности, откровение об эманации, которая естественным образом распространяется с неба на каждый физический и моральный земной закон, будь то общий или индивидуальный. Мы не можем сомневаться, что такую тесную связь между небом и землей человек осознавал в далекие века. Китайский император, как сын неба, нес ответственность за ошибки своих министров перед небом. Точно так же каждый государь в каждый исторический период всегда чувствовал необходимость основывать свое божественное право на тщательном соблюдении священного обряда. Но какого рода астрономическое знание было открыто? Несомненно, примитивное, но и более сложное, чем мы могли бы подумать. Если сегодня все знают, что Земля вращается вокруг Солнца, то само это представление мешает полному пониманию видимых явлений. Астрономия и астрология в прошлом были неразрывно связаны, так что один термин использовался для обозначения другого без различия. Законы древней астрономии, от эксцентрических орбит до трепета восьмидесяти сфер, были физическими законами, печатью (*episêma*) небесного закона, корнями суждения и предсказания, которые были целью астронома, *philalêthês*, того, кто ищет истину. Древние люди, говорит Аристотель, передавали такие понятия своим потомкам, говоря, что эти небесные тела суть божества, и что божество окружает природу. Остальное было добавлено потом, как миф, чтобы склонить как можно больше людей к повиновению. Если бы мы рассмотрели только содержание таких верований, а именно то, что божества были высшими существами, то мы должны были бы принять тот факт, что они говорили божественно... (Метафизика 1074b). Кто эти древние люди, *palaitatoi anthrôpoi*? Являются ли они, как мы читаем у Гомера, жителями Трои (Илиас XI, 166) или современниками Сервия Туллия (Плутарх, de fortuna, Рим. 323e)? Мы полагаем, что это те *palaioi anthrôpoi*, о которых нам говорит Платон, те, кто изобрел названия вещей (Cratylus 441b), *palaioi*, потому что они относятся к эпохе мифа и не могут быть помещены ни в какое временное измерение.

Если мы хотим спросить себя, когда в западной традиции впервые был использован полный метод предсказания, основанный на астрономических явлениях, мы можем сказать, что Беросс, Эпиген и Критодем — первые известные астрологи. Сегодня мы полагаем, что Критодем появился несколько раньше легендарного Петосириса, жизнь которого переносилась историками науки из VII во II век до н.э., тогда как, наоборот, мы полагаем, что Критодем жил в III веке до н.э. Таким образом, Антиох, Прасидик, Тимей, Серапион Александрийский, Тевкрос были бы современниками египетского жреца.

Но мы хотели бы отметить, что астрологи эллинистического периода любят подчеркивать, что их предшественниками были *archaioi* и *palaioi* (ед. ч. *archaios* и *palaios*). Первые — это те, кто впервые столкнулся с астрологией, вторые — те, кто ее изобрел и первым дал ей название. О первых мы знаем их имена и их жизни, а о последних мы ничего не знаем, они окружены мифом, они находятся в «вневременном» измерении, подобно тысячеликому Гермесу, которому «наши предки посвятили изобретения их мудрости» (Iamblichus de mysteriis I, 1; ср. VIII, 4). Они впервые установили названия искусства, такие как имя *agathodaimôn* (*bonus genius*, «добрый дух») для одиннадцатого места (V. Valens; Kroll 135,2), а именно названия и характеристики, приписываемые Гермесу Трисмегисту (Rhetorius, Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum VIII /4 стр. 162-174). Мы имеем пример у Гефастииона Фиванского: Панхарий не принадлежит ни к *archaioi*, ни к *palaioi*, потому что он его современник, а Порфирий (I, 157,1 Пингри), Антигон Никейский (I, 162-163), Доротей (I, 263,10-11), мудрые

египтяне, которые были до него (I, 258,19), относятся к *archaioi*. *Palaioi*, напротив, первыми наблюдали фигуры звезд (Птолемей, *quadr.* I, 2; Болл-Бур 8,9), природу планет (там же; I, 4; 17, 8; I, 5; 19,24) и безошибочные звезды (там же I, 10; 30,7); *palaios* — рукопись, которую Птолемей держит в руках (там же, I, 21; 49, 14).

По мнению греческих астрологов поздней античности, живших после II века, *archaioi* являются их историческими предшественниками. Те, в свою очередь, основывали свои доктрины на *palaioi* (Гефастийон I, 120,25). Среди них есть ведущая фигура, Петосирус, который прежде всего *palaios* (ср. *scholia in Cl. Ptolemei quadripartitum*, Wolf, стр. 111). Таким образом, мы сталкиваемся с тремя разными астрологическими эпохами: *antiqui* (древней), *veteres* (старой) и *novi* (новой). Среди новых есть ведущая фигура, не только из-за полноты его доктрины или его точного знания небесных движений, но также из-за его новой концепции и нового метода астрологических предсказаний. У Птолемея, во второй главе третьей книги *Quadripartitum* («Четверокнижие») его древний (*archaios*) метод предсказания заключался в «смешанном качестве всех или большей части небесных тел, и если кто-то хотел реализовать его точно, то это было бы почти бесконечно» (ББ 109,5-7). Этот метод предсказания был у египтян, которые «следовали методу, богатому конфигурациями, так что он был бесконечен и труден для понимания» (In Cl. Pto. enarrator ignoti nominis..., Wolf, стр. 89).

Эти различные и трудные для понимания процедуры (*agôgai*) древних, как утверждает В. Валент (Kroll pag. 242,20), составляют традицию *novi*. Многие астрологи, такие как Валент, пытались это объяснить. Полностью придерживаться древнего образца — значит сохранить его богатство, но это также значит говорить на его языке, который не является языком философов, естествоиспытателей, ученых. Иное отношение у Птолемея: он не выражает полного отказа от традиции, технические термины, которыми он пользуется, те же, что и у более старшего (для него) поколения астрологов, и цель Порфирия — разъяснить их современникам (*isag.* Wolf pag. 181). Но, поскольку он философ и ученый, он предпочитает следовать естественным путем, интерпретируя конфигурации и движения звезд, которые дает в наше распоряжение астрономическое знание, «методом, относящимся к философии» (*quadr.* I, 1 В.В.: 3,6-7), хотя это могло означать и частичное пренебрежение традицией.

Таким образом, Птолемей является для нас *novissimus astrologus* (лат., новейший астролог). Он заявил, что предсказание включает в себя математику и физику, являющиеся демонстративными частями искусства, и философию, являющуюся его заключительной частью. В дальнейшем греческая астрология, после Птолемея, продолжала смешивать вместе древние и новые элементы. В IV веке Павел Александрийский последовал за Птолемеем и пересочинил свою *Исагогу* (*Isagoge*), но не смог забыть «мудрых египтян». Гефастийон Фиванский пересказал *Четверокнижие* и добавил методы, мнения и афоризмы *archaioi* в каждой главе. В конце VI века Реторий, показавший свое знание о чистоте птолемеевского метода предсказания, в своей *Инструкции по толкованию рождений* (CCAG VIII/1 pagg. 243-248) приводит разных авторитетов для каждого суждения.

Оставим в стороне разные периоды, в течение которых преподавалась техника астрономического предсказания. Среди этих периодов есть непоследовательность, историческое развитие несколько противоречит последовательному развитию человеческой мысли. В период поздней античности астрология считалась «математической наукой, раскрывающей связность судеб» (Salustius, *de diis et mundo* IX, 4), и это понятие оставалось неизменным на протяжении многих веков: смесь искусства и математической науки, а не эмпирическое мнение, не имеющее уверенности в том, что обратное ложно. «Когда миллионы

людей разделяли в течение тысячи лет одно и то же мнение, мы можем предположить, что такое общепринятое мнение основывалось на положительных фактах, на долгой теории наблюдений, оправдываемой событиями». Точно так же граф Альтавилла хотел, чтобы Алисия поверила в очарование, и поэтому он пытался защитить и сохранить веру в звезды. Впрочем, науке такое оправдание не нужно. После коперниканской революции, между XVI и XVII веками, кроме естественной астрологии, которая до сих пор закономерно объясняет фигуры и видимое движение звезд и планет и утверждает, что предсказывает условия погоды, любой другой вид астрологии, вместе со своими экспертами и учениками, стал сильно дискредитированным: *«Они называют это юдициарной астрологией, потому что кажется, что это оскорбительный титул»*, тем не менее *«цель научной техники состоит в том, чтобы познать свои объекты через их причину, как сказал Философ: scire est rem per causas cognoscere и т. д., и такое знание есть не что иное, как силлогизм, где можно вывести заключение и неизвестное суждение из предшествующих предпосылок, уже известных»* (Placido Titi, Tocco di paragone..., pagg. 19-20).

Прежде чем Ньютон обнародовал закон всемирного тяготения, научная мысль знала и приняла другой универсальный закон природы. Этот универсальный закон имел астрологический характер (Л. Торндайк, «Истинное место астрологии в истории науки», Изида, 1954, стр. 273). Этот закон основывался на предположении, что природа управляется и направляется движениями небесных тел и что человек, как животное, непосредственно порожденное в природном мире и живущее в нем, подчиняется по природе этому закону. С этой точки зрения астрология является истинной и естественной наукой точно так же, как и философия. *«Это естественная наука, потому что она исследует естественные явления. Она наглядна, потому что изучает движения и явления небесных тел, такие как затмения, восходы и заходы Солнца; но если она имеет дело с эффектами, которые небесные тела оказывают на нас, то это наука предположений, как ее называет св. Фома ...»* (Placido Titi, op.cit., 1-3).

Мы не хотим говорить о самых последних веках. Когда многообразное измерение вторичной культуры начало узаконивать себя, беспорядочные остатки астрологии были обращены в бегство. Но это нас сейчас не интересует. Вплоть до всего периода Возрождения астрология является частью научной культуры и принимает участие в перипетиях человеческой мысли. После того, как афинская школа была закрыта, Реторий Египетский основал, опираясь на авторитет *archaioi* и птолемеевский метод, синкретическую позицию, которая, по-видимому, предвосхитила ученый византийский энциклопедизм.

Если Реторий представляет собой последнюю важную фигуру греческой астрологии, то арабская астрология, когда она родится, снова заинтересуется *archaioi* традицией и расширит ее благодаря знаниям культур народов, покоренных исламу. Современная историография до великих войн утверждала, что приход аристотелевской философии в исламскую культуру примерно в VIII-IX веках представлял собой ограничение астрологических спекуляций (cfr. С.А. Nallino, Raccolta di scritti editi e inediti, Roma 1944, V, pag. 20). На самом деле, как раз наоборот: как у греков и латинян, так и в арабской культуре никогда не существовало разделения между астрономией и астрологией: обе составляют единую науку, *al-nujûm* (аль-нуджум). Абу Машар обосновывает научный аспект астрологии на основе аристотелевской натурфилософии и утверждает, что астрология является полной и совершенной наукой в аристотелевском смысле. Основными авторитетами *Introductorium in astronomiam* («Ведения в астрологию») Абу Машара являются Аристотель, Птолемей и Гермес (cfr. R.J. Lemay, Abû Ma,shar and Latin Aristotelianism..., Beirut 1962, pag. 41ss.; ср. Р. Дж. Лемей, Абу Машар и латинский аристотелизм..., Бейрут, 1962, стр. 41с.). Это символические фигуры астрологической науки Средневековья.

Вплоть до конца XVI века астролог в основном был философом, толкующим движения небесных тел и законы природы. Он и астроном, и физик, иногда еще и врач, и считает себя последователем Птолемея, Галена и Аристотеля. В конце концов, самого Птолемея считали последователем Аристотеля как арабские астрологи, так и средневековые и ренессансные астрологи. Принципы Абу Машара и аль-Кинди также считались аристотелевскими, как и физико-философская культура астрологов Средневековья и Возрождения. Но позже, примерно в первой половине XVII века, аристотелевская физика пережила глубокий и неудержимый кризис, предвещавший Просвещение; хотя одна из самых значительных интерпретаций классической астрологии, основанная на аристотелевском прочтении *Четверокнижия* Птолемея (Плачидо Тити или Плацидус), восходит к тому периоду. Когда король Людовик XVIII бежал от Императорского орла, принц Конде подумал, что ему следует осведомиться, имеет ли намерение король все же совершить омовение ног в приюте для бедных деревни, где его застали несчастливые времена в день годовщины церемонии.

<http://www.cieloeterra.it/eng/eng.articoli.astrologia/eng.astrologiaclassica.html>

Джузеппе Бецца - итальянский астролог, переводчик и философ, представитель итальянской школы традиционной астрологии

<https://www.astroprofi.biz/post/htotakoeklassicheskaia-astrologia>
перевод Штейнгофа